

Генри
ДЖЕЙМС

Женский портрет

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 40

Перевод с английского
Леонтины Поляковой и Марии Шерешевской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-22702-6

© М. А. Шерешевская (наследник),
перевод, примечания, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

При известных обстоятельствах нет ничего приятнее часа, посвященного церемонии, именуемой английским вечерним чаепитием. И независимо от того, участвуете вы в ней или нет — разумеется, не все любят пить в это время чай, — сама обстановка чаепития удивительно приятна. Простая история, которую я собираюсь здесь рассказать, начиналась в чудесной атмосфере этого невинного времяпрепровождения. Необходимые принадлежности маленького пиршества были вынесены на лужайку перед старинным английским домом, меж тем как чудесный летний день достиг, если позволено так выразиться, своего зенита. Бóльшая часть его уже миновала, но в этом убывающем дне оставалось еще несколько часов, исполненных редкостного очарования. До сумерек было еще далеко, но потоки летнего света уже скудели, воздух посвежел, а на шелковистую густую траву легли длинные тени. Впрочем, удлинялись они не торопясь, и вокруг было разлито ощущение предстоящего покоя, что, пожалуй, и составляет особенную прелесть такой картины в такой час. В иных случаях это время суток — от пяти до восьми — тянется бесконечно, на сей раз оно сулило лишь бесконечное удовольствие. Те, о ком пойдет здесь речь, предавались ему весьма сдержанно, они не принадлежали к тому полу, который, как принято считать, горячо привержен помянутой церемонии. Тени на безупречно подстриженной лужайке были прямыми и угловатыми; то были тени старого джентльмена, сидевшего в глубоком плетеном кресле подле низкого столика,

накрытого для чая, и двух молодых людей, которые прохаживались тут же, беседуя о том о сем. Старый джентльмен держал чашку в руке; она была весьма вместительной и отличалась от сервиза рисунком и яркостью красок. Сидя лицом к дому, он подносил чашку к губам и не спеша, с расстановкой потягивал чай. Молодые люди, то ли уже покончив с чаем, то ли равнодушные к этому несравненному напитку, предпочитали прогуливаться и дышать сигаретами. Один из них то и дело посматривал на старика, который, не замечая его озабоченных взглядов, любовно созерцал темно-красный фасад своего жилища. Дом этот, высившийся в конце лужайки, и в самом деле заслуживал внимания — он был самой колоритной деталью той сугубо английской картины, которую я попытался набросать.

Он стоял на пологом холме над рекой — рекой этой была Темза — милях в сорока от Лондона. Продолговатый, украшенный фронтонами фасад, над чьим цветом изрядно потрудились два живописца — время и непогода, что лишь украсило и облагородило его, смотрел на лужайку затканными плющом стенами, купами труб и проемами окон, затененных выющимися растениями. Дом этот имел и свое имя, и свою историю; старый джентльмен, попивавший на лужайке чай, с удовольствием поведал бы вам, что он был построен при Эдуарде VI, что великая Елизавета провела в нем ночь (разместив свою августейшую особу на огромной, пышной и на редкость неудобной кровати, которая и по сей день составляла главную достопримечательность спальных покоев), что его порядком изрешетили во время кромвелевских войн, а потом, при Карле II, подлатали и расширили и что после бесчисленных переделок и неказистых пристроек в XVIII веке он попал наконец в заботливые руки деятельного американского банкира, который поначалу купил этот дом потому, что обстоятельства (слишком сложные, чтобы излагать их здесь) позволили приобрести его баснословно дешево, купил, браня за уродливость, отсутствие комфорта и ветхость, а потом, спустя без малого

двадцать лет, пленился его красотой и, изучив во всех подробностях, мог не задумываясь указать, откуда он лучше всего открывается взгляду и в какое время дня тени от многочисленных выступов, мягко ложась на теплый, потемневший от времени кирпич, производят самое выгодное впечатление. Кроме того, как я уже говорил, он мог бы перечислить по порядку почти всех владельцев и обитателей, многие из которых носили громкие имена, и при этом ненавязчиво дать понять, что и теперь поместье находится в столь же достойных руках. Дом выходил на лужайку не парадной стороной; главный его подъезд находился в другой части здания. Здесь же все предназначалось только для семейного круга, и широкий муравчатый ковер на макушке холма был продолжением изысканного убранства дома. Величественно застывшие дубы и буки отбрасывали не менее плотную тень, чем тяжелые бархатные портьеры, а стеганные кресла, яркие тканые коврики, разбросанные по лужайке книги и газеты придавали ей сходство с гостиной. Река текла поодаль, и у ее пологого берега лужайка обрывалась, но и спуск к воде был по-своему живописен.

Старый джентльмен, сидевший у чайного столика, приехал из Америки лет тридцать назад и вместе со всей кладью привез сюда свою американскую внешность, и не только привез, но и сохранил в наилучшем виде, так что при случае мог бы совершенно спокойно возвратить ее любезному отечеству. Правда, теперь он вряд ли решился бы на поездку; свое он уже отъездил и в преддверии вечного покоя наслаждался покоем земным. Выражение его узкого, чисто выбритого лица с правильными чертами являло смесь благодушия и пронизательности. По всей видимости, это было лицо, которое обычно не передавало чувств, владевших старым господином, а потому нынешнее сочетание довольства и прозорливости было уже достаточно выразительно. Оно говорило о том, что в жизни ему всегда сопутствовал успех и вместе с тем успех этот не был чрезмерен, никого не задевал, а потому в некотором смысле казался столь же безобидным, как

и неудача. Он, безусловно, превосходно разбирался в людях, но что-то по-детски простодушное проскользнуло в чуть заметной улыбке, морщившей его худое широко-скулое лицо и вспыхивавшей насмешливыми искорками во взгляде, когда он медленно и осторожно поставил на стол вместительную и теперь уже порожнюю чашку. Он был опрятно одет в безукоризненно вычищенную черную пару, но на коленях у него лежала сложенная шаль, а ноги покоились в теплых расшитых домашних туфлях. На траве у кресла растянулась красавица-колли, которая почти с таким же обожанием смотрела на физиономию своего хозяина, с каким тот созерцал еще более величавый фасад своего дома; маленький терьер, повизгивая и суется, бесцельно сновал вокруг молодых людей.

Один из них был господин лет тридцати пяти, превосходно сложенный, с типично английским лицом, настолько же английским, насколько лицо пожилого джентльмена, о котором выше шла речь, принадлежало к совсем иному типу. Очень красивое, свежее, румяное, открытое лицо это, с твердыми правильными чертами и живыми серыми глазами, весьма украшала густая каштановая борода. Все в нем говорило о том, что он человек блестящий, принадлежит к избранному кругу — иначе говоря, баловень судьбы, чьи природные дарования взросли на почве высокой цивилизации, — словом, счастливец, которому нельзя не позавидовать. Он был в высоких сапогах при шпорах, словно только что спешился после долгой верховой езды, и в белой шляпе, чуть-чуть великоватой для его головы; руки он заложил за спину, зажав в одной из этих больших холеных белых рук запачканные лайковые перчатки.

Его собеседник, шагавший рядом с ним по лужайке, был совершенно другого склада и, хотя тоже мог бы приковать к себе любопытный взгляд, вряд ли, в отличие от первого господина, внушил бы кому-нибудь желание немедленно поменяться с ним местами: долговязый, худой, нескладный, хилого сложения, с некрасивым, нездоровым, но одухотворенным и по-своему привлекательным

лицом, которому придавали известное своеобразие, хотя отнюдь не украшали щетинистые усы и бакенбарды. Судя по всему, он был человеком умным и болезненным — сочетание далеко не из самых удачных. На нем была коричневая бархатная куртка; руки держал он в карманах, что, видимо, давно уже вошло у него в привычку. В походке проскальзывала какая-то неуверенность и развинченность; казалось, он некрепко стоит на ногах. Как я уже говорил, каждый раз, минуя старого господина в кресле, он бросал на него озабоченные взгляды, и в этот миг, сопоставив их лица, нетрудно было заметить, что перед нами — отец и сын. Старый джентльмен, перехватив наконец взгляд сына, ответил ему мягкой дружеской улыбкой.

— Мне хорошо, — промолвил он.

— Ты допил свой чай? — спросил сын.

— Да, и с удовольствием.

— Налить еще?

— Нет, — благодушно ответил старый джентльмен после недолгой паузы. — Может быть, потом.

Он говорил с сильным американским акцентом.

— Тебе не холодно? — осведомился сын.

— Право, не знаю, — сказал отец, проводя рукой по ноге. — Пока я не испытываю такого чувства...

— А тебе хочется испытывать чувства? — засмеялся сын. — Может, ты хочешь, чтобы к тебе испытывали чувства?

— Почему бы нет? Надеюсь, всегда найдется человек, готовый ответить мне сочувствием. Разве вы не сочувствуете мне, лорд Уорбертон?

— Всей душой, — мгновенно отозвался джентльмен, которого называли лордом Уорбертоном. — Я готов не только сочувствовать вам, но и разделять ваши чувства. Тем более что у вас такой довольный вид.

— Почему же мне не быть довольным, ведь у меня всего вдоволь! — И старик, переведя глаза на зеленую шаль, расправил ее на коленях. — Что и говорить, я так давно живу в полном довольстве, что, кажется, перестал замечать его.

— Да, это обратная сторона медали, — сказал лорд Уорбертон. — Мы замечаем, что нам было хорошо, только когда становится плохо.

— Вот-вот, нам с вами нелегко угодить, — заметил его собеседник.

— Несомненно, — откликнулся лорд Уорбертон, — угодить нам с вами нелегко.

Все трое помолчали. Молодые люди выжидательно смотрели на пожилого джентльмена, который наконец попросил еще чаю.

— По-моему, эта шаль только мешает вам, — заметил лорд Уорбертон, пока молодой человек в бархатной куртке наливал отцу чай.

— Напротив, — воскликнул тот, — она отцу совершенно необходима! И пожалуйста, не внушайте ему еретических мыслей.

— Это шаль моей жены, — пояснил старик.

— Ну, если здесь замешаны чувства... — И лорд Уорбертон, как бы прося прощения, развел руками.

— Мне, наверно, придется отдать шаль жене, когда она вернется.

— Ни в коем случае. Ты оставишь ее себе. Тебе необходимо держать в тепле твои старые больные ноги.

— Пожалуйста, не придирайся к моим ногам, — обиделся старик. — Они нисколько не хуже твоих.

— Ну, что касается моих, ругай их себе на здоровье, — ответил сын, подавая ему чай.

— Да, мы с тобой — пасынки судьбы. Что ты, что я.

— Весьма признателен за сравнение. Как чай?

— Спасибо, горячий.

— Это, надо понимать, достоинство?

— И большое притом, — пробормотал старик, улыбаясь. — Мой сын — превосходная сиделка, лорд Уорбертон.

— Он, кажется, не слишком расторопен? — заметил лорд.

— Что вы! Очень расторопен... для больного. Он — превосходный брат милосердия. Я зову его «брат во болезни». Ведь сам он тоже болен.

— Полно, отец, — взмолился молодой человек.

— Что есть, то есть. Хотя я дорого дал бы, чтобы ты был здоров. Но выше себя не прыгнешь.

— Может, мне попытаться? Превосходная мысль! — усмехнулся молодой человек.

— Болеть — очень тошно, — продолжал старик. — С вами, лорд Уорбертон, такого, наверно, никогда не приключалось?

Лорд Уорбертон на минуту задумался.

— Нет, отчего же. Однажды в Персидском заливе... мне было очень тошно.

— Он смеется над тобой, отец, — сказал молодой человек в бархатной куртке. — Он любит шутить.

— Да, все мы нынче шутим, каждый на свой манер, — добродушно отозвался старик. — Только по вашему виду никак не скажешь, чтобы вы когда-нибудь болели.

— Он болен сплином. Только что жаловался мне и горько сетовал на свой недуг, — вставил друг лорда Уорбертона.

— Неужто это правда, сэръ? — участливо протянул старик.

— Ну, если и правда, ваш сын не облегчит мои страдания. С ним невозможно разговаривать — законченный циник. Ни во что, кажется, не верит.

— Это он снова шутит, — заметил молодой человек, обвиненный в цинизме.

— Все оттого, что он слаб здоровьем, — сказал старый джентльмен лорду Уорбертону. — Настроил себя на такой лад и теперь все видит в мрачном свете. Считает, наверно, что жизнь его обделила. Только это все в теории, а на самом деле душою он вполне здоров. Я, право, не помню дня, когда он не был бы весел. Вот как сегодня. И меня развеселить умеет.

Молодой человек, которого так аттестовали, взглянул на лорда Уорбертона и рассмеялся:

— Что это? Похвала беспечности или обвинение в легкомыслии? Уж не хочешь ли ты, отец, чтобы я применил свои теории на деле?

— Клянусь, — воскликнул лорд Уорбертон, — нам было бы на что посмотреть!

— Надеюсь, ты еще не окончательно усвоил себе этот насмешливый тон, — сказал старый джентльмен.

— Тон Уорбертона хуже моего. Он делает вид, будто все время скучает. А мне не бывает скучно. Жизнь представляется мне безмерно интересной.

— Вот именно. *Безмерно*. А тебе надо во всем соблюдать меру.

— В вашем доме я никогда не скучаю, — сказал лорд Уорбертон. — О каких только интересных предметах мы с вами не толкуем!

— Надо понимать, вы опять шутите? — спросил старый джентльмен. — Вам вообще непростительно скучать. В ваши годы я понятия не имел, что такое скука.

— Вероятно, вы поздно повзрослели.

— Напротив, очень рано. И в этом все дело. В двадцать лет я был уже вполне взрослый и работал не разгибая спины. Будь у вас чем себя занять, вы не томились бы от скуки. Но у вас, молодых людей, слишком много досуга, а в мыслях — одни развлечения. Вы слишком избалованны, слишком праздны, слишком богаты.

— Вот мило! — воскликнул лорд Уорбертон. — Вам-то уж никак не пристало корить ближних за богатство.

— Это почему же? Потому что я банкир? — спросил старик.

— Отчасти, если угодно, но главным образом потому, что вы располагаете — не станете же вы отрицать этого — огромными средствами.

— Отец не так уж богат, — сказал, словно защищая старика, его сын. — Он роздал кучу денег.

— Что ж, он раздавал собственные деньги, — сказал лорд Уорбертон, — а это лишь подтверждает, что их много. Тем, кто занимается благотворительностью, не приходится упрекать других за любовь к удовольствиям.

— Отец очень любит получать удовольствия... доставляя их другим.

Старый джентльмен покачал головой:

— Я отнюдь не настаиваю на том, что доставил много удовольствия своим современникам.

— Дорогой отец, ты слишком скромн!

— Однако, милый Ральф, вы тоже шутник, — сказал лорд Уорбертон.

— Слишком много вы шутите, молодые люди. Отними у вас ваши шутки, с чем вы останетесь?

— К счастью, в мире всегда есть над чем шутить, — заметил его некрасивый сын.

— Ты так думаешь? А по-моему, дела принимают весьма серьезный оборот. Когда-нибудь, молодые люди, вы в этом сами убедитесь.

— Чем хуже дела, тем больше поводов для шуток.

— Как бы не пришлось смеяться сквозь слезы, — возразил старик. — Я убежден, что мы живем в канун великих перемен и, увы, не все они будут к лучшему.

— Вполне согласен с вами, сэ, — заявил лорд Уорбертон. — Я более чем уверен, что нас ждут большие перемены и всяческие неожиданности. Поэтому мне так затруднительно воспользоваться вашим советом. Помните, на днях вы сказали, что мне нужно к чему-нибудь «привязаться». Не знаю, стоит ли привязываться к тому, что в любую минуту может взлететь на воздух.

— Привяжитесь к хорошенькой женщине, — сказал его приятель. — Чего только он не делает, чтобы влюбиться! — добавил он, обращаясь с этим пояснением к отцу.

— Хорошенькие женщины весьма воздушны: их слдует первым порывом ветра, — сказал лорд Уорбертон.

— Ну нет, вот уж кто прочно стоит на земле, — откликнулся старый джентльмен. — Их не коснутся ни социальные, ни политические бури, которых я опасуюсь.

— Вы хотите сказать, они неистребимы? Что ж, превосходно! Завтра же уцеплюсь за одну из наших дам и навяжу себе на шею... как спасительный балласт.

— Женщины — это наша опора, — промолвил старик. — Разумеется, хорошие женщины. Потому что среди них бывают разные. Найдите хорошую женщину, женитесь, и жизнь ваша станет намного интереснее.

Минутная пауза, следовавшая за этими словами, говорила, должно быть, о том, что внимавшие старому джентльмену слушатели отдавали должное его великодушию, поскольку ни для его сына, ни для гостя не было тайной, что собственный его матримониальный опыт не увенчался успехом. Однако, как выразился старик, среди женщин «бывают разные», и в этой оговорке, возможно, заключалось признание в ошибке, хотя, разумеется, молодые люди не посмели бы заметить вслух, что его избранница не принадлежала к лучшим представителям своего пола.

— Если я правильно понял вас, сэр, женившись на интересной женщине, я сам смогу обрести в жизни интерес? — спросил лорд Уорбертон. — Но ваш сын представил меня в неверном свете — я вовсе не собираюсь жениться, хотя, кто знает, может быть, интересная женщина сумела бы изменить мою судьбу.

— Хотел бы я видеть эту интересную женщину. Ваш идеал, так сказать...

— Увидеть идеал, мой друг, невозможно. Особенно столь возвышенный и воздушный, как мой. Я сам был бы счастлив его увидеть — тогда для меня многое бы прояснилось.

— Влюбляйтесь в ту, что понравится, только не в мою племянницу, — сказал старый джентльмен.

Сын весело рассмеялся:

— Лорд Уорбертон решит, что ты хочешь его заинтриговать! Ах, отец, ты живешь с англичанами тридцать лет и усвоил многое из того, что они говорят, но ты так и не усвоил, что о многом они умалчивают.

— Я говорю что хочу, — отозвался старый джентльмен с присущим ему благодушием.

— Не имею чести знать вашу племянницу, — сказал лорд Уорбертон. — И кажется, впервые о ней слышу.

— Это племянница моей жены. Миссис Тачит везет ее с собой в Англию.

— Моя мать, как вам известно, — пояснил Ральф, — провела зиму в Америке и едет домой. Она написала

нам, что встретила свою племянницу и пригласила ее погостить.

— Вот как... Ваша матушка очень добра, — сказал лорд Уорбертон. — А что, юная леди из породы интересных женщин?

— Мы знаем о ней не больше вас. Моя мать не любит длинных посланий и шлет нам только телеграммы, а расшифровывать их — нелегкое дело. Говорят, женщины не умеют составлять телеграммы, но моя мать вполне овладела искусством писать сжато. «Жара ужасно утомлена Америкой тчк возвращаюсь Англию племянницей первом пароходе пристойной каютой». Это ее последняя криптограмма, а до этого была еще одна, где, кажется, впервые упоминалась племянница. «Переехала отель наглый коридорный пишите упомянутому тчк забрала дочь сестры умер прошлым летом зпт еду Европу две сестры вполне самостоятельно». Над этим посланием мы с отцом до сих пор ломаем себе голову, ведь толковать его можно и так и этак.

— Одно, впрочем, ясно, — заметил старый джентльмен. — Коридорный получил отменный нагоняй.

— Я даже в этом не уверен — поле боя осталось все-таки за ним. Сначала мы думали, что речь идет о сестре коридорного, но упоминание о племяннице в следующей телеграмме говорит скорее за то, что имеется в виду кто-то из родственников. Потом мы гадали, что это за две сестры. По всей вероятности, дочери моей покойной тетушки. Но что «вполне самостоятельно»? Или, вернее, кто? И в каком смысле? Тут мы пока не нашли ответа. Относится ли это к молодой особе, которую опекает моя мать, или в равной мере к двум другим сестрам? «Самостоятельно» в моральном или финансовом смысле? Значит ли это, что они располагают собственными средствами, или не хотят ни у кого одолжаться, или просто привыкли поступать по своему усмотрению?

— Ну что бы это ни означало, последнее значение здесь несомненно присутствует, — заметил мистер Тачит.

— Вы скоро узнаете разгадку, — сказал лорд Уорбертон. — Когда приезжает миссис Тачит?

— Мы в полном неведении. Как только ей предоставят пристойную каюту, каковой она, возможно, дожидается по сию пору. Впрочем, может статься, она уже высадилась в Англии.

— В этом случае она наверняка послала бы телеграмму!

— Она никогда не посылает телеграмм, когда их ждут, — только когда этого никто не ждет. Она любит нагрязнуть неожиданно — полагает, что поймает меня на чем-нибудь недозволенном. Правда, до сих пор ей не везло, но она не теряет надежды.

— Это наследственная семейная черта — пресловутая самостоятельность. — Судя по тону сына, материнские причуды раздражали его меньше, чем отца. — Впрочем, каким бы своенравием ни отличались молодые особы, с моей матушкой им не тягаться. Она полагается только на себя и считает, что никто другой ей помочь не может. От меня она ждет не больше проку, чем от использованной марки. Вовек бы мне не простила, если бы я дерзнул встретить ее в Ливерпуле.

— Но мне вы, надеюсь, дадите знать, когда появится ваша кузина, — сказал лорд Уорбертон.

— Только при оговоренном условии — что вы не станете в нее влюбляться, — ответил мистер Тачит-старший.

— Не слишком ли это сурово? Вы решительно считаете, что я недостаточно хорош для нее?

— Нет, даже слишком хороши, а потому я не хотел бы, чтобы она вышла за вас замуж. Полагаю, она не затем сюда едет, чтобы найти себе мужа. Увы, многие ее соотечественницы приезжают сюда именно за этим. Будто нельзя сделать хорошую партию в Америке! И потому, у нее, наверно, есть жених. По-моему, у каждой молоденькой американки непременно есть жених. А главное, я не убежден, лорд Уорбертон, что из вас получится примерный супруг.

— Весьма возможно, что у нее есть жених. Я знал многих американок, и все они были помолвлены. Только, поверьте, это ничему не мешало, — заметил гость

мистера Тачита. — А вот смогу ли я быть примерным мужем, на этот счет у меня тоже возникают сомнения. Но надо же хоть попытаться!

— Попробуйте сколько душе угодно, но не с моей племянницей, — улыбнулся старый мистер Тачит, чьи возражения носили явно шуточный характер.

— Кроме того, — сказал лорд Уорбертон в еще более шуточном тоне, — а что, если племянница мне вовсе не понравится!

2

Пока эти двое перебрасывались остротами, Ральф Тачит обычной своей нетвердой походкой отошел в сторону, все так же держа руки в карманах. Непоседа-терьер крутился под ногами, а Ральф, повернувшись к дому, сосредоточенно разглядывал лужайку, не замечая, что за ним внимательно следит некая особа, внезапно возникшая в проеме широких дверей. Ральф поднял глаза на незнакомку только потому, что его собака вдруг кинулась вперед, заливаясь отрывистым лаем, скорее, впрочем, дружелюбным, нежели задиристым. Неизвестная особа оказалась юной леди, которая, по-видимому, сразу поняла, что пес приветствует ее, и когда тот стремительно бросился ей под ноги и замер, подняв голову и оглушительно лая, она нагнулась, подхватила его и, не обращая внимание на тявканье, поднесла к самому лицу. Подоспевшему к тому времени хозяину оставалось лишь удостовериться в том, что новой приятельницей Банчи была высокая девушка в черном платье, весьма привлекательная на первый взгляд. Она была без шляпы, как если бы приехала к ним погостить, и это обстоятельство не на шутку озадачило молодого мистера Тачита, поскольку из-за недомогания хозяина дома они последнее время никого не принимали. Между тем два других джентльмена тоже заметили незнакомку.

— Помилуйте, кто эта девушка? — изумился мистер Тачит-старший.

— Не племянница ли это вашей супруги — пресловутая самостоятельная молодая леди? — заметил лорд Уорбертон. — Судя по тому, как она укротила Банчи, должно быть, это она и есть.

Колли тоже одарила своим величественным вниманием все еще стоявшую в дверях гостью и направилась к ней, добродушно помахивая хвостом.

— В таком случае где, скажите на милость, моя жена? — промолвил старый джентльмен.

— Очевидно, для вящей самостоятельности ваша племянница поспешила от нее отделиться.

Девушка, не выпуская из рук терьера, улыбнулась Ральфу и спросила:

— Это ваш песик, сэр?

— Минуту назад был моим, но вы поразительно ловко им завладели.

— А мы не могли бы владеть им совместно? — промолвила девушка. — Такой милый пес!

Ральф окинул молодую леди внимательным взглядом — она была на редкость хороша собой.

— Владейте им безраздельно, — сказал он.

Незнакомка была, по-видимому, вполне уверена в себе и полна доверия к другим, но этот широкий жест заставил ее покраснеть.

— Должна сообщить вам, что, вероятно, я ваша кузина, — сказала она, спуская собаку на землю. — А вот еще одна! — быстро добавила она, любуясь подошедшей колли.

— Вероятно? — воскликнул, смеясь, молодой человек. — По-моему, сомневаться не приходится. Ведь вы приехали с моей матушкой?

— Да, полчаса назад.

— И что же? Она привезла вас сюда, а сама снова уехала?

— Нет, просто сразу же ушла к себе, попросив передать вам при встрече, что без четверти семь ждет вас на своей половине.

Молодой человек взглянул на часы:

— Сердечно вас благодарю. Постараюсь не опоздать. — И он снова взглянул на кузину. — Мы все очень вам рады, а я в особенности.

Девушка огляделась, бросая умные, все примечающие взгляды — на собак, на собеседника, на джентльменов под деревьями и на живописный вид, открывшийся перед нею.

— В жизни не видала такого живописного места! Я уже прошла по дому и должна сказать, он чудесный!

— Простите, что оставили вас так долго без внимания, но мы не знали о вашем приезде.

— Тетушка сказала, что в Англии не принято встречать гостей, поэтому я несколько не удивилась. Скажите, этот джентльмен ваш отец?

— Да, тот, что постарше и сидит в кресле, — ответил Ральф.

Девушка рассмеялась:

— Я не имела в виду его собеседника. А он кто, позвольте спросить?

— Наш друг, лорд Уорбертон.

— Я так и знала, что он окажется лордом — прямо как в романе! А вот и ты, моя прелесть! — воскликнула она, снова взяв на руки подбежавшего терьера.

Она по-прежнему стояла в дверях, никак не выражая желания познакомиться с мистером Тачитом-старшим, и Ральф невольно подумал, уж не ждет ли эта прелестная тоненькая девушка, что пожилой джентльмен сам подойдет к ней засвидетельствовать почтение. Молодые американки вообще избалованы вниманием, а эта, судя по ее лицу, особенно своенравна. Тем не менее, набравшись смелости, он сказал:

— Позвольте, я представлю вас моему отцу. Он стар, очень болен и почти не встает с кресел.

— Бедный! Как мне его жаль! — воскликнула девушка и решительно устремила вперед. — Из того, что я знаю от тетушки, он был всегда весьма... весьма деятельным человеком.

— Она не видела отца целый год, — помолчав, ответил Ральф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. <i>Роман</i> <i>Перевод М. Шерешевской, А. Поляковой</i>	5
--	---

ПРИЛОЖЕНИЯ

Генри Джеймс

Предисловие к роману «Женский портрет»
в нью-йоркском издании 1907–1909 гг.

<i>Перевод М. Шерешевской</i>	727
-------------------------------------	-----

Примечания. <i>М. Шерешевская</i>	747
---	-----

Джеймс Г.

Д 40 Женский портрет : роман / Генри Джеймс ; пер. с англ. Л. Поляковой, М. Шерешевской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 768 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22702-6

Англо-американский прозаик Генри Джеймс (1843–1916) — признанный классик мировой литературы, мастер психологического анализа, блестящий стилист и новатор, автор более двадцати романов («Послы», «Крылья голубки», «Золотая чаша», «Европейцы» и др.); перу Джеймса принадлежит также более ста новелл и рассказов, пьесы, трехтомная автобиография, путевые и критические очерки.

Родившись в Нью-Йорке, писатель провел большую часть жизни в Старом Свете, преимущественно в Англии, где и умер, приняв за год до смерти британское подданство. Усвоив уроки Бальзака, Готорна, Ибсена и Тургенева, Генри Джеймс и сам оказал заметное влияние на всю психологическую прозу XX века, не случайно его называют предшественником таких писателей, как Конрад, Пруст и Вирджиния Вулф.

«Женский портрет» принадлежит к числу наиболее значимых произведений Генри Джеймса и признан «одним из величайших романов, написанных на английском языке». По определению автора, «Женский портрет» — это роман о женщине, бросающей вызов своей судьбе. В основу сюжета легла история молодой американки, с тонкой и благородной натурой, прелестной, внутренне независимой и любознательной, которая прибывает в Европу, имея твердое убеждение, что мир полон неиссякаемых возможностей, а женское счастье далеко не исчерпывается удачным замужеством... В 1968 году по мотивам романа был снят мини-сериал, его сюжет также лег в основу фильма Джейн Кэмпбелл «Портрет леди» (1996) с Николь Кидман и Джоном Малковичем в главных ролях.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ДЖЕЙМС
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.02.2023. Формат издания 76 × 100¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 33,84. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page — www.tvertpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tvertpk.ru

A-AKB-31678-01-R